

УДК 821. 111
ББК 84(7Сое)
Б46

Серия «Шедевры фэнтези»
Robert Jackson Bennett
CITY OF MIRACLES

Публикуется с разрешения автора и его литературных агентов,
Donald Maass Literary Agency, Inc (США)
при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия)

Перевод с английского: *Наталья Осояну*

Дизайн обложки *Юлии Межовой*
В оформлении обложки использована иллюстрация
Михаила Емельянова

Подписано в печать 10.08.2019.
Формат 84 × 108 ¹/₃₂. Усл. печ. л. 33,6.
Печать офсетная. Бумага типографская.
Гарнитура Mysl
Тираж экз. Заказ № .

Copyright © 2017 by Robert Jackson Bennett.
All rights reserved.
© Наталья Осояну, перевод, 2019
© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Посвящается Харви.

*Привет, малыш. Добро пожаловать на Землю.
Местечко весьма шикарное, и я тебе рекомендую
тут задержаться.*

*Кто знает — может быть, станет еще лучше.
Может быть. По крайней мере, мы стараемся.
Честное слово.*

1. ПОВАЛЕННЫЕ ДЕРЕВЬЯ

Любая политическая карьера оборачивается крахом.

Бывают долгие карьеры, бывают короткие. Одни политики идут ко дну грациозно и хладнокровно, а другим такое не вполне удастся.

Но какими бы ни были эти самые политики — любимыми или ненавидимыми, сильными или слабыми, поборниками справедливости или творцами беззакония, толковыми или бестолковыми, — в итоге в самом конце карьера любого из них оборачивается крахом.

**Из письма министра иностранных дел Виньи Комайд
премьер-министру Анте Дуниджеш.
1711 г.**

Когда Рахул Кхадсе подходит к молодому человеку, чтобы попросить сигарету, тот сперва ведет себя высокомерно, а потом снисходит до ворчливой вежливости. Понятно, что у него перекур, единственная возможность забыть про свои обязанности и расслабиться в одиночестве в переулке позади отеля, и он нервничает из-за того, что кто-то помешал. Еще понятно, что молодой человек занимает серьезный пост — достаточно одного взгляда на его темный пиджак узкого фасона, черные ботинки, загорелую кожу и черный тюрбан, чтобы понять: он военный, полицейский или начальник охраны какой-нибудь важной шишки. Может, сайпурской, может, континентской — но, несомненно, кто-то платит ему за то, чтобы он внимательно смотрел по сторонам.

Однако на Рахула Кхадсе молодой человек глядит без особого внимания, лишь с вежливым презрением. Ну разумеется, с чего ему беспокоиться из-за Кхадсе? С чего ему переживать из-за старика в грязных очках, с потертым портфелем и в несвежем тюрбане набекрень?

— Ладно,— говорит молодой человек, уступая.— Почему бы и нет.

Кхадсе коротко кланяется.

— Спасибо, господин. Спасибо.— Он опять кланяется, ниже, а молодой человек, выполняя просьбу, сует руку внутрь пиджака, чтобы достать портсигар.

Молодой человек не замечает, как Кхадсе заглядывает ему под пиджак и мельком видит рукоять пистолета в кобуре. Молодой человек не замечает, как Кхадсе аккуратно ставит на землю портфель, как его правая рука тянется к поясу во время поклона и вытаскивает нож. Того, как Кхадсе делает шаг вперед, принимая сигарету, он тоже не замечает.

Он ничего этого не замечает, потому что молод. А молодости, увы, свойственна глупость.

Глаза юноши распахиваются, когда нож плавно входит в пространство между его пятым и шестым ребрами с левой стороны, протыкает легкое и задевает мембрану вокруг сердца. Кхадсе подается вперед, когда всаживает лезвие, левой рукой закрывает разинутый рот и толкает голову назад, так что череп юноши с глухим ударом врежется в кирпичную стену переулка.

Юноша пытается сопротивляться, но, пусть он и силен, этот танец Рахул Кхадсе знает слишком хорошо. Он подается вправо, не отпуская рукоять ножа, разворачивается всем телом. Потом скользящим движением вытаскивает лезвие из груди юноши и делает шаг в сторону, аккуратно увертываясь от брызнувшей крови, пока жертва сползает вдоль стены переулка.

Кхадсе озирается по сторонам, пока молодой человек испускает дух. День выдался дождливый, туманный и унылый, как нередко случается в это время года в Аханастане, и лишь немногие отваживаются выбраться из дома. Никто не замечает, как старикашка в переулке позади «Золотого отеля» рассматривает улицы, глядя поверх очков.

Молодой человек задыхается. Кашляет. Кхадсе откладывает нож, встает над своей жертвой, хватая за лицо и бьет головой об стену, снова и снова, опять и опять.

В таких вещах важна уверенность.

Когда молодой человек застывает, Кхадсе натягивает пару коричневых перчаток и аккуратно проверяет его карманы. Находит пистолет, разряжает и выкидывает — у него, разумеется, есть собственный, — после чего продолжает обыск, пока не обнаруживает необходимое: отельный ключ от номера 408.

На ключе много крови. Приходится его обтереть там же? в переулке, вместе с ножом. Впрочем, ничего страшного.

Кхадсе кладет находку в карман и думает: «Это было нетрудно».

А вот теперь начинается рискованная часть. Точнее, то, что его наниматель назвал рискованной частью. По правде говоря, Кхадсе не так уж легко разбираться в том, по поводу каких приказов нанимателя стоит беспокоиться, а какие можно проигнорировать. Это потому что нынешний наниматель Рахула Кхадсе, по его собственной оценке, абсолютный, бесспорный, совершенно-мать-его-чокнутый безумец.

Впрочем, а разве могло быть иначе? Только сумасшедший мог послать наемника вроде Кхадсе разобраться с одной из самых противоречивых политических фигур современности, женщиной столь уважаемой, знаменитой и влиятельной, что всем не терпится дождаться суда истории, чтобы понять, как следует относиться к ее сроку пребывания в должности премьер-министра.

Персона, прямо скажем, легендарная. И в том смысле, что она как будто явилась из легенды, и в том, что за свою жизнь успела лично прикончить парочку легенд, о чем было известно широкой общественности.

Возможно, Кхадсе сошел с ума, взявшись за эту работу. Или, может, он хотел проверить себя — хватит ли сил? В любом случае он собирается ее выполнить.

Рахул Кхадсе подходит к концу переулка, выглядывает на аханастанскую улицу, потом поворачивает направо и поднимается по лестнице в отель, где остановилась Ашара Комайд.

* * *

«Золотой отель» остается одним из самых прославленных и знаменитых мест в Аханастане, реликвией той эры, когда Сайпурское государство беспрепятственно вмешивалось в дела Континента по своему усмотрению, разбрасываясь зданиями, блокадами и эмбарго, согласно собственным причудам. Войти в эти двери — все равно что вернуться в прошлое, потому что внутри имперское величие Сайпура, знакомое Кхадсе не понаслышке, сохранено в безупречном виде, как чучело птицы в музее живой природы.

Кхадсе останавливается в вестибюле, словно для того, чтобы поправить очки. Мраморные полы, бронзовая фурнитура и пальмы. Он считает тела: привратник, метрдотель, горничная в дальнем углу, три девушки за стойкой. Никаких охранников. По крайней мере таких, как только что убитый им в переулке юноша. Кхадсе в подобных делах стреляный воробей, и они с помощниками сделали домашнюю работу: ему известно расписание охранников, их количество и посты. Его подручные следили за отелем неделями, готовя каждый шаг этого щекотливого испытания. Но теперь Кхадсе в одиночку должен все завершить.

Он поднимается по ступенькам, с его темного пальто капает вода. Пока что все идет очень гладко. Он пытается не думать о нанимателе, его безумных посланиях и его деньгах. Обычно Кхадсе с удовольствием размышляет о вознаграждении за работу, но не в этот раз.

В основном потому, что сумма невообразимая, даже по меркам Кхадсе, который собаку съел на фантазиях о больших деньгах — вообще-то он этим фантазиям и посвящает почти все свободное время. Сегодня не первое задание, которое он выполняет для нанимателя, но в качестве платы ему обещано куда больше, чем в прошлый раз. От такой суммы недолго и встревожиться.

Но требования по поводу гардероба... это странно. Действительно, очень странно.

Ибо когда Кхадсе отправился забирать последние причитающиеся ему деньги, вместе с ними он обнаружил сложенное черное пальто и черные блестящие туфли. И то и другое сопровождалось строгими указаниями: он был должен надевать эти предметы одежды, когда выполнял обязанности по контракту, без исключений. Между строк читалось, что, если Кхадсе ослушается, его жизнь окажется в опасности.

В тот момент Кхадсе просто подумал: «Ну ладно. Мой новый наниматель — чокнутый. Я уже работал на безумцев. Все не так плохо». Но, примерив пальто и туфли, он обнаружил, что сидят те безупречно — и это было очень странно, потому что Кхадсе никогда не встречался с новым нанимателем и уж точно не сообщал ему свой размер обуви.

Он пытается не думать об этом, пока поднимается на третий этаж. Пытается не думать о том, что прямо сейчас одет именно в это пальто и эти туфли — такие аккуратные, темные, безупречные. Пытается не думать, до чего все вопиюще странно, включая и тот факт, что наниматель особо указал, чтобы Кхадсе отправился выполнять задание один, без своих обычных спутников.

Кхадсе достигает третьего этажа. Осталось совсем немного.

«Я бы вообще не занимался этой проклятой работой, — думает он, — если бы не Комайд». И это в каком-

то смысле правда: когда Ашара Комайд стала премьер-министром, лет этак семнадцать назад или около того, первым пунктом в ее повестке дня было вычистить из Министерства иностранных дел всех ярых противников. Таких, как Кхадсе, который в то время поучаствовал во многих делах, большей частью весьма грязных.

Он все еще помнит ее служебное письмо, в котором каждая строчка излучала привычные для Комайд самодовольство и самоуверенность: «Мы должны помнить не только то, что мы делаем, но и то, как мы это делаем. Таким образом, министерство вступает в период реорганизации и переориентации, поскольку мы вносим коррективы на будущее».

Ашара Комайд наводила порядок в доме, вышвыривая всех, кого завербовала ее тетя, Винья Комайд, — а Кхадсе всегда был фаворитом Виньи.

И вот внезапно все изменилось. После десятилетия службы он оказался на улице в Аханастане, и про него быстро забыли. Он думал, что получит хоть какое-то утешение, когда саму Комайд вытурили из парламента — когда это было, лет тринадцать назад? Но у политиков всегда есть парашюты. Это рядовых, вроде Кхадсе, ожидает более жесткая посадка. Даже личный бандит Комайд, этот неуклюжий одноглазый болван-дрейлинг, — даже он удостоился почетной отставки, какой-то там королевской должности на дрейлингских берегах; впрочем, по слухам, придурок нашел способ все испортить.

«Я бы сделал это бесплатно, — думает Кхадсе, и вну три у него все бурлит. — Двенадцать лет службы, а потом — пока-пока, Рахул, прощай и распростишься со всем, ради чего ты работал, за что ты боролся, за что истекал кровью, а я собираюсь растратить казну министерства на бесполезный идеализм, и пускай разведка превратится в дымящийся кратер за моей спиной».

Он идет по коридору четвертого этажа. Охранница — молодая, собранная, вся в черном — стоит по стойке смирно на углу. Как Кхадсе и ожидал.

Кхадсе подходит к девушке, волоча ноги; ни дать ни взять сбитый с толку трясущийся старикан со смазанным листком, на котором записаны имя и номер в отеле.

— Простите, сударыня,— говорит Кхадсе, низко кланяясь и излучая подобострастие,— но... кажется, я попал не на тот этаж?

— Верно,— отвечает охранница.— Этот этаж закрыт для посторонних, сэр.

— Пятый этаж закрыт для посторонних? — изумленно переспрашивает Кхадсе.

Охранница почти закатывает глаза.

— Пятого этажа не существует, сэр.

— Да что вы говорите? — Он озирается.— Но что это за этаж...

— Четвертый, сэр.

— Ох. Скажите, я ведь в «Золотом отеле», верно?

— Да, верно.

— Но я... батюшки мои.— Кхадсе роняет бумажку, и та улетает к ногам охранницы.

Девушка со вздохом наклоняется, чтобы ее поднять.

Она не видит, как Кхадсе легко заходит ей за спину. Не видит, как он выхватывает нож. Не успевает отреагировать, когда сталь вонзается в яремную вену и вскрывает ее.

Кровь бьет фонтаном. Кхадсе отпрыгивает в сторону, чтобы на одежде не осталось ни пятнышка; мельком приходит мысль, что способность избегать кровавых пятен на вещах — один из его самых странных, но и самых ценных талантов. Охранница падает на колени, издавая сдавленные звуки, и он бросается к ней, наносит сокрушительный удар ногой в затылок.

Охранница валится на пол, заливая его кровью. Кхадсе снова откладывает свой портфель и надевает коричневые перчатки. Вытирает и прячет нож, потом обыскивает мертвую. Находит отельный ключ — на этот раз от номера 402,— хватая охранницу за ноги и затаскивает за угол, чтобы не была на виду.

«Теперь нельзя медлить. Быстро, быстро».

Он прижимается ухом к двери 402-го — на этом этаже только номера люкс — и, ничего не услышав, открывает. Затаскивает труп, бросает за диваном. Вытирает коричневые перчатки, снимает и выходит из номера, по пути изящным жестом подобрал портфель.

Переступая через пятна крови, он сдерживает желание радостно насвистывать. Кхадсе всегда был хорош с ножом. Пришлось научиться после той операции в Жугостане, когда какой-то местный обратил внимание на его походку и приложил немало усилий, чтобы перерезать шпиону горло. От этой истории у Кхадсе остался мертвенно-бледный шрам на шее и склонность подбираться близко и действовать грязно. «Делайте с континентами,— говорил он коллегам,— то, что они могли бы сделать с вами».

Он идет в номер 408 — который, как и ожидалось, находится прямо рядом с королевским люксом, где вот уже месяц располагается офис Ашары Комайд. Кхадсе точно не знает, чем она занимается. Ходят слухи, что Комайд руководит каким-то там благотворительным фондом, собирает бездомных детей и подыскивает им дома.

Но, если верить нанимателю Кхадсе, дело отнюдь не в этом.

«Впрочем,— думает Кхадсе, тихонько открывая номер 408,— чокнутый ублюдок также сообщил, что отель напичкан средствами защиты.— Он распахивает дверь.— Но я бы не назвал двух молокососов такими уж суровыми защитниками».

И опять Кхадсе пытается не думать о пальто и туфлях, в которые одет прямо сейчас. Пытается не думать, почему наниматель предположил, что эти предметы одежды воспрепятствуют защитным мерам Комайд — ведь это, конечно же, означало бы, что Кхадсе не в силах увидеть, как именно защищена ее контора.

Это его весьма тревожит.

«Бред сивой кобылы, вот что это такое,— думает он, закрывая за собой дверь.— Попросту бред сивой кобылы».

Люкс пуст, но обстановка отлично знакома Кхадсе, от оружия на дальнем столике до отчетов службы безопасности на прикроватной тумбе. Здесь охранники готовятся к работе — вот и телескоп, с чьей помощью они с балкона наблюдают за улицей,— а вот тут они спят в перерыве между сменами.

Кхадсе подбирается к стене, прижимается к ней ухом и прислушивается. Он почти уверен, что Комайд там, с еще двумя охранниками. Необычно много телохранителей для бывшего премьер-министра, но ведь Комайд чаще угрожали расправой, чем почти всем ныне живущим политикам.

Он слышит двух телохранителей. Слышит, как они прочищают горло, тихонько кашляют. Но Комайд он совсем не слышит. И это вызывает беспокойство.

Она должна быть там. Должна, без вариантов. Он хорошо подготовился.

Быстро соображая, Кхадсе тихонько проходит на балкон. В дверях стеклянные окна, прикрытые тонкими белыми занавесками. Он подбирается бочком к этим окнам и выглядывает наружу, на соседний балкон.

Его глаза широко распахиваются.

Она там.

